

Варвара Раевская

КАК В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ВЛАСТИ НАКАЗЫВАЛИ

12+

Варвара Николаевна Раевская Как в Российской империи за оскорбление власти наказывали

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55746584
SelfPub; 2020*

Аннотация

В этой публикации, написанной на основании реальных уголовных дел конца XIX века можно ознакомиться не только с особенностями уголовного процесса Российской империи, но и с бытом наших предков, отношением их к власти, религии, манерой общения, которая складывалась между людьми разных сословий. Все дела хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Возможно ли в современной России привлечь человека к ответственности за оскорбительные слова, сказанные в сторону главы государства? В принципе да, и к уголовной и к административной. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит норму, предусматривающую наказание за публичное оскорбление представителя власти, к которому относится и президент, но исключительно при исполнении им должностных обязанностей или в связи с их исполнением (статья 319 УК РФ). Если же эти слова будут касаться непосредственно его личности, то ответственность может наступить по части 1, 2 статьи 5.61 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации – оскорбление. А действия, направленные на распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", информации, которая оскорбляет человеческое достоинство, выражает явное неуважение к органам государственной власти, подлежат ответственности по части 3 статьи 20.1 КоАП РФ.

Для некоторых, такие положения закона могут показаться чем-то сверхдеспотичным и ассоциироваться со временами репрессий. Хотя, множество литературы гласит нам о том, что подобные нормы – это современная мировая практика, а в истории России она существует не одно столетие.

Об этом мы можем узнать, изучив «Артикулы воинские» Петра I, опубликованные в 1715 году или «Манифест о молчании» Екатерины II – указ «О воспрещении непристойных

рассуждений и толков по делам, до правительства относящихся» и, изданный ею же позже «Наказ» для Уложенной комиссии 1767 года,

В 1845 году император Николай I утвердил «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое считается первым российским уголовным кодексом. Сам документ несколько раз подвергался значительным изменениям. И, как видно из окончательной редакции, изданной при Александре III в 1885 году, преступлениям против императора в Уложении отведена целая глава, в которой нашлось место и статье 246, гласящей непосредственно об ответственности за оскорбительные высказывания против его особы. Дословно норма звучала так: «Кто осмелится произнести, хотя и заочно, дерзкие оскорбительные слова против Государя Императора, или с умыслом будет повреждать, искажать или истреблять выставленные в присутственном или публичном месте портреты, статуи, бюсты или иные изображения Его, тот за сие оскорбление Величества, присуждается: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от шести до восьми лет. Дозволивший себе означенные в сей статье дерзкие слова и поступки заочно, без прямого намерения возбудить неуважение к Священной Особе Государя Императора, приговаривается: к заключению в крепости на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев. Если же виновный совершил сие преступление по неразумию или невежеству, либо в состоянии опьянения, то он под-

вергается: заключению в тюрьме на время от двух до восьми месяцев или аресту от семи дней до трёх месяцев» [1].

Уголовные дела по статье 246 Уложения были довольно частым явлением и в период с 1892 по 1905 года рассматривались в административном порядке департаментом Временной канцелярии при Министерстве Юстиции.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранятся документальные фонды Временной канцелярии по производству особых уголовных дел, в том числе и по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьей 246 Уложения. Все подобные дела оформлялись по одному общему правилу и имели гриф секретности. В папке голубого цвета прошивались рапорта прокуроров судебных палат соответствующих губерний на имя Министра Юстиции, с кратким изложением сути преступления, уведомление о приступу к дознанию и об его окончании, опись вещественных доказательств, а также заключение, которое составлялось прокурором с полным изложением сути дела, показаний свидетелей и обвиняемого, имеющих улики, проведенных процессуальных действий, обоснованных выводов о виновности либо невиновности лица, а также предложения о применении к нему мер взыскания.

Изучая архивные дела, мы имеем возможность ознакомиться с особенностями уголовного процесса тех лет, методами дознания, практикой применения наказания и, как бонус, с бытом наших предков, отношением их к власти, рели-

гии и даже манерой общения, которая складывалась между людьми разных сословий.

Одним из таких, было дело о почётном гражданине Алексее Понятове [2].

Согласно материалам, 23 июля 1897 года в городе Казани на односторонке Верхне-Фёдоровской улицы в доме Христогонова шумел и буйствовал почётный гражданин Алексей Павлович Понятов. Будучи пьяным, во время ссоры с семейными, он вышел на крыльцо дома и без всякой на то причины произнёс: «Мне всё равно, я и государя убью» и сопровождал слова непристойной бранью.

Дознание по этому и другим подобным делам проводилось в порядке статьи 1035 Устава уголовного судопроизводства, принятого 20 ноября 1864 года в рамках судебной реформы императора Александра II. Норма гласила, что о всяком злоумышлении, заключающем в себя признаки государственного преступления, сообщалось прокурору судебной палаты, когда злоумышление обнаружилось в округе того окружного суда, который находится в месте учреждения палаты, а в противном случае – местному прокурору или его товарищу, или же полиции для донесения о том немедленно прокурору судебной палаты [3].

В ходе дознания, к Алексею Понятову была применена мера пресечения особый надзор полиции, который учреждался над обвиняемыми в совершении преступления, с целью воспрепятствовать уклонению от наказания. В этом слу-

чае, гражданин обязывался встать на учет, периодически отмечаться, ночевать, передвигаться в сопровождении полицейского.

По делу были допрошены свидетели: Вячеслав Невярович, Семён Капралов, Кузьма Терехов, Алексей Сивицкий, каждый из которых удостоверил факт оскорбления особы государя императора Понятовым и подтвердили, что тот действительно находился в состоянии алкогольного опьянения. Сам же почетный гражданин виновным себя не признал и утверждал, что был настолько пьян, что ничего не помнит.

В письменном заключении, прокурор Казанской судебной палаты сделал вывод, что Алексей Понятов, показаниями свидетелей достаточно уличается в совершении преступления, предусмотренного 246 статьёй Уложения, принял во внимание, что деяние было совершено без прямого намерения возбудить в других неуважение к особе императора и в состоянии сильного опьянения, а потому полагал подвергнуть почетного гражданина аресту при тюрьме на пять дней.

Подобные этому дела, практически всегда заводились на основании жалоб простых людей, как правило близких знакомых обвиняемого. Побуждающим фактором служил, нередко, страх наказания в виде ареста. Такая норма была закреплена в статье 247 Уложения и могла вменяться, в случае недонесения ближайшему местному начальству об известных фактах оскорбительных высказываний в адрес императора [1].

Еще одно интересное дело расследовалось на территории Минской губернии, в отношении дворянки Людвиги Качинской 48-и лет [4].

Эконом имения Гольна Мало-Берестовицкой волости Гродненского уезда, Осип Корженевский заявил полицейскому уряднику 8 участка 2 стана, что проживающая в имении дворянка Качинская позволила себе в присутствии нескольких лиц дерзкие оскорбительные слова против особы государя императора. Допрошенный в качестве свидетеля, доносчик заявил, что перед праздником Рождества 1896 года передал Людвиге Качинской, которая занимала в имении должность ключницы, деньги, среди которых было два империаля¹. Их увидела служанка Качинской, Никонюкова и воскликнула: «Какия красивыя деньги!». На что ключница возразила: «Что тут красивого. Царю воши объели уши и лоб то как у собаки». Никонюкова, видимо испугавшись, ответила, что нельзя цензуровать царя и ушла. А Качинская, глядя на монеты продолжала: «...и лоб-то как у собаки». Разговор этот происходил во дворе и слышал его сын кузнеца Русакевича, Пётр. Через несколько дней, Корженевский рассказал об этом инциденте кузнецу Павлу Русакевичу и тот убедительно советовал заявить о происшествии уряднику. О донесении узнала Качинская, стала преследовать Корженевского и даже обвинила в кражи ржи, чем в конце концов заставила его покинуть имение Гольну.

По делу были допрошены кузнец Павел Русакевич с сы-

ном Пётром, которые подтвердили, всё сказанное заявителем. Однако, служанка Никонюкова дала совсем другие показания, сказала, что при передачи Корженевским денег, она взяла империял в руки и спросила: «Это 10 рублей?», на что Качинская ответила: «Нет, 15». После этого, возвратив империял, ушла и не слыхала, чтоб кто-то произносил оскорбительные слова против особы государя императора. Была допрошена и сама Людвига Качинская. Она виновной себя не признала и дала точно такие же показания, как и ее служанка. Ключница утверждала, что Корженевский ложно оговорил ее, по злобе, так как подозревал в доносителстве помещику и как-то даже сказал, что раз и навсегда покончит сплетни в имении.

Интересен тот факт, что в 1896 году, когда происходили описуемые события, империялы номиналом в 15 рублей не были в обиходе и вошли в обращение только после 3 января 1897 года на основании соответствующего указа, то есть на момент проведения дознания по этому делу. Данные обстоятельства полностью опровергают показания Никонюковой и Качинской, хотя, следует отметить, что в материалах дела об этих противоречиях не говорится ни слова.

Оказалось достаточно показаний свидетелей Корженевского, Петра и Павла Русакевичей для вывода, что дворянка Людвига Качинская вполне изобличается в произнесении дерзких, оскорбительных слов против особы государя императора и сделала это по невежеству. Показания свидетель-

ницы, служанки Никонюковой во внимания приняты небыли, поскольку та находилась в зависимости от ключницы и ее слова не могут заслуживать доверия. Как итог, Людвиг Качинская в ноябре 1897 года была подвергнута наказанию в виде ареста при тюрьме сроком на 10 дней.

№ 210

1897 г.

II

ДѢЛО
ВРЕМЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ ЮСТИЦІИ
ПО ПРОИЗВОДСТВУ
ОСОБЫХЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ

Ю. Евреянкинъ   Лубовицъ
Каминской

Гос. архивъ	№ 20716
Фондъ	124
С. исх.	18
№ дѣла	310

Изданъ   М.   13   1897

Довольно занятное дело расследовалось в отношении дворянина Иосифа Григорьева Поповского [5].

15 декабря 1896 года крестьянин Иван Сруль, житель села Лисца Ушицкого уезда Подольской губернии (на сегодняшний день регион входит в состав Винницкой, Хмельницкой и частично Одесской областей Украины) заявил уряднику, что местный землевладелец Иосиф Поповский в разговоре с ним оскорбительно выразился о государе и царском законе. В следствии чего, против Поповского было возбуждено дело по обвинению в преступлении, предусмотренном 246 статьей Уложения и избрана мера пресечения в виде подписки о неотлучки с места жительства. При такой мере пресечения обвиняемый не должен был покидать место, где велось дознание, у него могла быть получена подписка о явке к следователю или в суд, также отбирали паспорт, приобщая к делу.

Иван Сруль объяснил, что недели за две до праздников Рождества он вместе с крестьянами Степановым и Мастыкашем отправились к помещику села Лисца, Иосифу Поповскому выяснить, почему тот ставит своих караульщиков у гумна², которое продал еврею Левину, между тем, как последний нанял их караульщиками. По прибытию, Степанов и Мастыкаш остались в сенях³, за запертой дверью, а Сруль зашёл и застал Поповского лежащим больным в постели, во второй от сеней комнате. Во время разговора на замечание Сруля, что так делать не позволяет царь и царский закон,

помещик ответил: «Плевал я на царя и на царский закон». Произнося эти слова, Поповский не сорился, голос не повышал.

Степанов и Мастыкаш объяснили, что хотя и не входили в комнаты и дверь в сени была заперта, но всё равно слышали произнесения помещиком означенной оскорбительной фразы. Причём, Степанов заявил, что когда Сруль, выходя к ним, отворил дверь, то Поповского в первой комнате не было, по-видимому он находился во второй. Мастыкашев же утверждал, что помещик приглашал их посидеть у него, но они отказались, потому что после произнесенных выражений они не могли у него оставаться.

Привлеченный к дознанию Поповский отрицал факт приписываемого ему преступления и показал, что 14 декабря 1896 года сказал Ивану Срулю, что может ставить караульщиков возле своего гумна, так как это разрешает царский закон, на что тот ответил: «Плевал я на царский закон». Об этом Поповский рассказывал пришедшим к нему, вслед за Срулем крестьянам Гаврилову, Иващuku и Чернию, а затем и сотскому⁴, которого пригласил Иващук. Сруль, Степанов и Мастыкаш же рассказывают неправду из-за вражды, так как он жаловался, что те отбили замок от его гумна и повесили свой.

Опрошенные по просьбе обвиняемого Черний, Гаврилов, Иващук и сотский Яремчук подтвердили слова Поповского и добавили, что по их мнению, и в селе об этом все так говорят,

помещик не мог произнести такой фразы и обвинение его в этом преступлении выдуманно Срулем.

Для проверки показаний Степанова и Мастыкаша жандармский офицер, производящий дознание, в виду слабого голоса обвиняемого, провёл опыт, в результате которого оказалось, что из комнаты, где находились Сруль и Поповский даже при повышении голоса, в сенях явственно не было слышно ни одного слова. Это обстоятельство подтвердила и Марина Максимович, горничная обвиняемого, по показаниям которой, Поповский постоянно болеет, редко встаёт с кровати и громко говорить не может.

В результате, прокурор пришёл к заключению, что слова Степанова и Мастыкаша не могут внушать к себе доверия. Поэтому обвинение в отношении Поповского по ст. 246 Уложения посчитал недоказанным, а дальнейшее производство по делу было прекращено с отменой, избранной ранее меры пресечения.

Как видно, дело Поповского расследовано довольно качественно и если говорить современной терминологией, то были применены такие следственные действия, как допрос свидетелей, следственный эксперимент, также удовлетворено ходатайство обвиняемого, в результате чего были допрошены свидетели стороны защиты.

Важно отметить, что по данной категории дел, прекращение производства, было нередким явлением. Об этом свидетельствует сопроводительное письмо в деле Поповского

№841 от 31 марта 1897 года на имя господина министра юстиции, из которого следует, что в этот период времени в регионе, подобные дела были прекращены в отношении как минимум 29 людей, среди которых 14 человек крестьянского происхождения, есть казаки, унтер-офицеры, подданные других государств и так далее.

Из дела Поповского хорошо видно и то, что доносы граждан об оскорблении особы императора могли служить средством для различного рода манипуляций, орудием мести. Изучая архивные дела, становится понятным, что такие случаи далеко не единичны.

Ещё одним наглядным примером этого является дело в отношении жены отставного жандармского унтер-офицера Марианны Васильевой Константиновой, 42 лет [6].

В 1897 году настоятель Ковенской Андреевской единоверческой церкви Успенский сообщил приставу 3 части города Ковны (на сегодняшний день – Каунас, Литва), что 15 июня к нему явились вольнонаемный музыкант первого крепостного Ковенского пехотного полка Банис с женою Клеофасою и дворянин Мицкевич с женой Марьяною, все четверо римско-католического вероисповедания. Они заявили, что проживающая с ними в одном доме жена отставного жандармского унтер-офицера Марианна Константинова, перешедшая из католичества в православие постоянно порицает православную веру, а на днях позволила себе произнести в присутствии заявителей дерзкие слова против священной

особы государя императора.

По делу в качестве свидетеля был допрошен священник Успенский, который подтвердил указанное в заявлении и добавил, что по словам Банисов и Мацкевичей, Константинова позволила себе назвать покойного государя Александра III проклятым и говорить, что черти несут его душу. Также были допрошены музыкант Станислав Банис и его жена Клеофаса, которые сообщили, что 8 мая 1897 года, в день именин Баниса, к ним пришла Марианна Константинова и увидев, висевший на стене портрет императора Николая II спросила, зачем они его держат и советовала заменить образом. Затем, обратившись к висевшему в той же комнате портрету императора Александра III, Константинова сказала: «Этот давно сдох, а вы всё держите, я давно уже бросила его в печку». Товарищ Баниса, Пузаро, римско-католического вероисповедания пояснил, что он был 8 мая у Банисов и слышал, как Марианна Константинова бранила государя и православную веру. Дворянин Осип Мацкевич и жена его Марьяна рассказали, что в месяц текущего года к ним на квартиру зашла та же Константинова и заметив на стене портрет императора Александра III, сказала: «А зачем вы держите этого черта. Его уже давно черти таскают по аду.». Кроме того, Константинова нередко порицала и православную веру.

Привлечённая к дознанию в качестве обвиняемой по статье 246 Уложения и в отношении которой была избрана мера пресечения особый надзор полиции Марианна Констан-

тинова, виновной себя не признала и объяснила, что обвинение взведено на неё по злобе Банисами и Мацкевичами. Сердятся же эти лица за то, что управляя домом, в котором они живут, она требует от них аккуратной уплаты денег и соблюдения чистоты. По просьбе Константиновой были опрошены свидетели: мещанин Пашкевич и крестьянин Захаревич. Пашкевич указал, что соседка Константинова постоянно ссорится со своими жильцами из-за чистоты и он был неоднократно свидетелем этих ссор. Захаревич пояснил, что также слышал, что Константинова не ладит со своими жильцами.

В результате, дознание в административном порядке в отношении Марианны Константиновой было прекращено. Особого внимания заслуживают выводы, которые сделал в письменном заключении прокурор Виленской судебной палаты касательно показаний Банисов, Мацкевичей и Пузаро: «Настоящее дело возбуждено жильцами Константиновой, Банисами и Мацкевичами, которые, как видно из показаний Пашкевича и Захаревича, постоянно ссорятся с ней. Эти ссоры в связи с тем обстоятельством, что Константинова перешла из католичества в православие, легко могли вызвать некоторую вражду между обвиняемой и жильцами-католиками не только на почве взаимных отношений жильцов и Константиновой, как управляющей домом, но и в сфере интересов религиозных, а так как эти последние интересы особенно близки католику-простолюдину, то возникшая меж-

ду Константиновой и ся жильцами на этой почве враждеб-
ные отношения в свою очередь легко могли послужить пово-
дом к возбуждению вышеизложенными свидетелями ложно-
го обвинения против Константиновой. Что же касается сви-
детеля Пузаро, то показания его, как товарища Баниса и при
том также католика, не может иметь для дела существенного
значения. Неосновательность взведённого на Константинову
обвинения, между прочим, находит себе косвенное подтвер-
ждение и в том соображении, что если б обвиняемая дей-
ствительно, как заявляют свидетели порицала православную
веру, то едва ли католики стали бы заботиться о том, чтобы
она была подвергнута ответственности за это преступление.
Наконец факт одновременного заявления Баниса и Мацке-
вича о двух отдаленных случаях произнесения Константи-
новой дерзких слов против государя Императора приводит к
убеждению, что настоящее обвинение взведено на Констан-
тинову по особому взаимному согласию Банисов и Мацке-
вичей, каковое соглашение также несколько подрывает до-
верие к их показаниям.»

Каждое архивное дело по-своему занимательно и расска-
зывает нам не просто о конкретном преступлении, проце-
дуре дознания, но и о жизнях самых разных людей. Напри-
мер, о молодой девушке Лукерье с Нижегородской губернии
с очень печальной судьбой [7].

9 сентября 1897 года в селе Городцы Балахинского уезда
в доме крестьянки Морковкиной собрались несколько чело-

век пить чай, в том числе в нетрезвом состоянии Лукерья Макарова Корегина. Она бранила присутствующих и позволила себе произнести крайне дерзкие и оскорбительные слова в отношении особы государя императора, а потом еще и плюнула на его портрет, который висел в комнате. Это подтвердили свидетели, люди с интересными, «садово-огородными» фамилиями: Исаак Цветков, Евлампия Морковкина и Акулина Кустовая.

Обвиняемая, Корегина Лукерья, 21 года, православная, неграмотная, проститутка, виновной себя не признавала и настаивала, что 14 февраля была трезва. 02 апреля 1897 года прокурор Московской судебной палаты принял решение о необходимости подвергнуть обвиняемую аресту при волостном правлении на 10 дней. Однако, как следует из уведомления во Временную канцелярию при Министерстве Юстиции, 17 апреля Лукерья умерла. Где это произошло и при каких обстоятельствах, история умалчивает. Производство в связи со смертью было прекращено.

Как видно из следующего дела, в Российской Империи существовала довольно слаженная процедура признания лица, совершившего преступления, невменяемым [8].

3 апреля 1897 года в посад Жирардов Блонского уезда Варшавской губернии, австрийский подданный Эдуард Антонов Суске, 63 лет, разговаривая на базарной площади с продавцом хлеба, Антоном Германом позволил себе дерзко и оскорбительно выразиться о государе императоре, назы-

вая его «кацапом». Говорил, что кацап в Польше управлять не может, пусть кацап идёт свиной пасти. Обстоятельства эти были установлены на дознании показаниями Антона Германа и жены его Маргариты.

Допрошенный в качестве обвиняемого Суске не признавал себя виновным и объяснил, что в разговоре с Германом никаких дерзких и оскорбительных выражений против императора не произносил, а также заявил, что из-за повреждения черепа страдает ослаблением умственных способностей. Показаниями свидетелей: Августа Воле, доктора Гая, который лечил Суске, жены и сына последнего – Генриетты и Эдуарда Суске, а также освидетельствованием уездным врачом Мизгером, было установлено, что Суске человек психически больной. На основании этого, в порядке ст. 354 Устава уголовного судопроизводства было произведено освидетельствование умственных способностей обвиняемого. В результате, Варшавский Окружной суд признал, согласно заключению врачей-экспертов, что Суске одержим безумием, вследствие органического поражения мозга, в каковом состоянии находился и во время совершения преступления. В связи с чем, производство по делу было прекращено.

Безусловно, каждое архивное дело – это кладезь фактов и событий прошлого, которые тяжело перекрутить, переписать. Изучая описанные и многие другие уголовные дела по 246 статье Уложения видно, что они были далеко не редки в Российской империи в конце XIX века. И к сожалению

нию, для многих граждан являлись средством различного рода манипуляций, сведением счетов с неприятелями. Сами же дела расследовались довольно качественно, применялись почти все современные методы дознания и следствия. При этом, что не типично для настоящего времени, совершенно отсутствовал обвинительный уклон, а наказания были лишены излишней суровости. Практически каждый процессуальный документ составлен грамотно, как с точки зрения орфографии, так и стилистики, что говорит о хорошей подготовке кадров.

---

¹ Империял – российская золотая монета с изображением царской особы, образца 1885 года, имела номинал 10 рублей и была равноценна 10 серебряным рублям. Согласно указу «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» от 3 января 1897 года, на золотых империялах чеканился новый номинал в 15 рублей

² Гумно- ток, огороженная площадка для молотбы

³ Сени – прихожая, входная часть традиционного русского дома

⁴ Сотский – крестьянин, назначавшийся в помощь сельской полиции

Используемые источники

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, С-Петербург, 1901 г.;

Дело № 612, опись № 18, фонд 124, ГАРФ;
Устав уголовного судопроизводства, 1864 г.;
Дело №210, опись № 18, фонд 124, ГАРФ;
Дело № 1, опись № 18, фонд 124, ГАРФ;
Дело №609, опись № 18, фонд 124, ГАРФ;
Дело №302, опись № 18, фонд 124, ГАРФ;
Дело № 621, опись № 18, фонд 124, ГАРФ.